

- Летать мы учились на Л-29 – чешских учебных самолетах, в кабине которого меня тогда и сфотографировали, - вспоминает Раис Хусаинович Куряев. - Эти самолеты могли набирать скорость до 750 километров в час, набирая высоту 6 километров. Курсанты показывали на них высший пилотаж, ведь наше летное училище всегда было одним из самых лучших в Советском Союзе.

С Раисом Хусаиновичем Куряевым мы познакомились, когда он пришел в редакцию, чтобы подробнее рассказать о своем брате Рустаме – тот служил на Северном флоте, а мы как раз готовили зарисовку ко Дню Военно-морского флота. Разговорились, и тут выяснилось столько интересных подробностей, а Раис Хусаинович оказался таким неординарным собеседником, что материал сложился сам по себе, и основой для него послужили воспоминания бывшего курсанта летного училища ДОСААФ.

Свой первый прыжок
забыть невозможно

Из Мордовии тогда в летное училище пожелали поступить сто восемьдесят молодых ребят. Комиссия отобрала только сорок восемь человек. Требования к будущим курсантам были очень жесткие. И все же Раис Хусаинович оказался в числе тех, которые должны были стать военными летчиками.
- Мы жили в Саранске, в казарме, она находилась около Центрального рынка, в здании, где сейчас располагается «Россельхозбанк», - вспоминает он. – Обучение проходили на чешских самолетах Л-29. На моем счету 200 часов самостоятельных полетов и пять прыжков с парашютом с высоты 1500 метров. Свой первый прыжок до сих пор помню до мельчайших подробностей. Самолет набрал высоту, нас в кабине было восемь человек. Инструктор открыл дверь, дотронулся до плеча: «Давай! Вперед!» Я подошел к самому краю, выглянул наружу. Голова сразу же закружилась от сильного порыва ветра. Внизу бездна. Сказать, что душа ушла в пятки, значит, ничего не сказать. «Неужели не смогу? Опозорю себя и родителей!» - одна только мысль промелькнула в голове. Собрал всю волю в кулак и шагнул в синюю бездну. Четко помня инструктаж, все сделал правильно, парашют раскрылся сразу. Переведя дух, посмотрел вниз: куда это я лечу? А там черно

– ветром сносит к лесу. Не хватало еще приземлиться на дерево! Инструкторы в рупор кричат: «Скользите!» Попробовал, не получается. Руками изо всех сил намотал стропы, потянул. Вижу: подо мной машины и двое мужчин стоят. Приземлился метрах в двадцати от них и, примерно, в пяти метрах от леса. Плюхнулся в ров, который отделял лес от поля. Парашют падал прямо на меня, чтобы его «погасить», вновь натянул изо всех сил стропы. Наконец-то! Едва перевел дух, как услышал: «Куряев! Ты здесь откуда?» Ко мне подошел Ибрагим Алиевич Маринов, он тогда был руководителем одного из хозяйств, где трактористом более сорока лет проработал мой отец, Хусаин Хайруллович. Оказывается, это Маринов стоял около той машины.
- Оттуда! – показал ему наверх. - А Вы почему не отошли, когда я спускался? – Только и смог произнести в ответ.
Двум другим парашютистам, прыгавшим со мной в тот день, повезло еще меньше. Их обоих сильным ветром отнесло в лес. Один повис на дереве. Инструктор кричит ему: «Прыгай!». Для этого надо было расстегнуть лямки парашюта. Парень в ответ: «Нет, боюсь!» Но потом все же пересилил себя и спрыгнул, точнее, свалился на землю. Другой вообще зацепился за верхушку дуба и повис там. Ветками ему сильно поранило ноги, пришлось отправлять в госпиталь.
Однако и такие вот эпизоды не могли погасить увлечения полетами. Второй прыжок с парашютом, третий… Конечно, волновался, но вновь и вновь тянуло в небо.
В первый же год моей учебы мы завоевали первое место среди школ ДОСААФ Советского Союза. Было это в 1972 году. Летали без происшествий.

«А в машине - начальник штаба»

Когда курсанты оканчивали училище, им присваивали звание младших лейтенантов. И, следует заметить, все учились очень старательно, также старательно проходили практику, понимая, насколько это важно. Хотя, конечно, не обходилось и без курьезных случаев. Ребята-то молодые!
Вот, например, курсанты должны были жить в казарме, но среди нас было много горожан и моих земляков из Лямбиря. Как тут удержаться – не навестить родных? Поэтому самоволки случались нередко. Дежурные инструкторы, в основном, люди гражданские, относились с пониманием, просили только, чтобы к утру мы были на месте и не подводили их. Раз отпустили домой двух курсантов из Лямбиря. Те решили вернуться в казарму еще вечером. На автобус, конечно, опоздали, вышли на трассу, смотрят, идет машина. Они скорее голосовать. Машина остановилась, а там начальник штаба. Вот это был пассаж! Приехали в казарму, начальник сразу же всех построил. И тут еще лучше. У кого на кровати под одеялом свернутая шинель вместо курсанта, кто даже до такого трюка не снизошел и просто пустился в самоволку. Такое начальник школы – полковник Мельников не прощал, он очень был требовательный. На другой день было общее построение: техники, курсанты, офицеры. Всех. «Ну что, ребята? Вы уже почувствовали себя летчиками? А как же порядок. Дисциплина?» Долго он тогда говорил с нами, и вы знаете, подействовало. Стыдно стало. Нарушители потом еще на строительных работах отпахали. И заветной мечтой было – скорее опять туда, в небо! Самым тяжким наказанием стало лишение полетов.

Небо только кажется

бескрайним

Это ведь только кажется, что небо бескрайнее, у летчиков там свои «улицы» и «переулки», свои «коридоры». Словами это объяснить сложно. Но кто «заболел» небом, того это притяжение уже не отпустит. Образцом для подражания для многих ребят тогда был один из наших офицеров – капитан Хаустов. Мужчина лет тридцати пяти – сорока. Прошел Сирию. Военный летчик.
Хорошо помню и свою первую увольнительную. Мои родные ведь всегда жили в Лямбире, родители работали в колхозе, воспитывали пятерых сыновей и двух дочерей. Откуда тут особые излишества? А нам в столовой регулярно давали по плитке шоколада. Я его сберег в тумбочке. И вот через три месяца первая увольнительная. Доехал до Лямбиря. Вышел в проулок, вот наш дом. Около забора стоят мать и братья. Подхожу к ним. Сам в новенькой военной форме, она у нас была очень красивая. А в душе радость полнится – ведь достиг своей мечты, стал курсантом. Достал из кармана девять плиток шоколада и начал раздавать своим. У матери даже слезы на глаза навернулись. А у меня дыхание как перехватило от волнения, поначалу слова сказать не мог.
Два года пролетели незаметно. Из нас готовили военных летчиков, но тут 1973 год, договор с американцами о сокращении летного состава. Из наших ребят человек двадцать пошли в гражданскую авиацию, другие выбрали иные профессии. Я пришел в РАЙПО Лямбирского района, где и проработал двадцать лет.
ЕЛЕНА СЕВАСТЬЯНОВА